

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Алексеева Е.В.
(Екатеринбург)

Получение высшего образования россиянами в Европе (XVIII-начало XX вв.)

Общечеловеческая ценность и природа знания объясняет тот факт, что процесс его трансляции часто приобретает наднациональный характер. В России, как и в других странах мира, образование не раз получало мощный интеллектуальный и организационный импульс, как со стороны иностранных учителей, так и со стороны отечественных студентов и преподавателей, прошедших обучение или стажировку в зарубежных учебных заведениях.

Историография российского образования весьма обширна, не обойдена в ней вниманием и тема зарубежного обучения россиян (1). Тем не менее, ее рассмотрение характеризуется хронологической и тематической фрагментарностью. Наша цель в рамках данного текста дать ключ к интегративной оценке проблемы, обобщив исторический опыт ее решения, что может оказаться полезным для современных администраторов образования.

Историческая динамика и основные направления выездов для получения образования за рубежом. Если не брать в расчет исключительный случай посылки молодых людей для обучения за границу при царе Б. Годунове, то начало зарубежного образования россиян стоит датировать концом XVII в., когда за пределы России для учебы отправляются сначала единицы, а затем и десятки молодых людей. К числу «пионеров» можно отнести П. Постникова - первого русского доктора философии и медицины, который с 1692 г. обучался в Падуанском университете. В 1714 г. Петр сделал обязательным образование для дворянства и всячески поощрял поездки молодых дворян за рубеж. К заграничной стажировке этого времени относится, например, отправка в 1719 г. в Европу около 30 русских для изучения медицины под руководством Блюментроста. Общее количество студентов, уехавших из России учиться в немецких университетах в царствование Петра I составляло 53 человека. Из них 13 носили немецкие или голландские фамилии и являлись детьми иностранцев, приглашенных на русскую службу (2).

В течение десятилетий после смерти Петра количество студентов, отправлявшихся обучаться за рубежи России, не увеличилось. За 19 лет (1726-1744 гг.) в Германии обучался 51 студент из России, из которых лишь

15 имели русские фамилии (3). Среди них - молодой М. Ломоносов, находившийся в 1736 г. в Марбургском университете, а затем в Горном институте во Фрайбурге. Побывав в Лейдене, известном своим принципом «свободы преподавания», М.В.Ломоносов считал его образцом при создании Московского университета (4).

С рубежа 1740-1750-х гг. начинается резкий подъем числа выезжающих за границу студентов. Увеличивается количество русских фамилий, многие из молодых людей были детьми малороссийских дворян. Елизавета отправляет молодых дворян обучаться в университетах Германии (Йена, Берлин, Лейпциг, Кёнигсберг, Марбург), Франции (Страсбург, Монпелье, Париж), Шотландии (Глазго), Голландии (Лейден). Русские студенты постигали там математику, медицину, право, физику, естественные науки, политическую экономию.

Немецкие университеты, безусловно, преобладали по популярности среди других европейских университетов в этот период, но, как видим, были не единственными, куда отправлялись студенты из России. А. Поленов и И.Лепехин были одними из первых в длинном ряду русских студентов, обучавшихся в Страсбургском университете, который довольно быстро выдвинулся в этом отношении на первое место. Всего в течение XVIII в. здесь прослушали курсы 138 русских (5). Во второй половине XVIII в. русские, приезжавшие в Страсбург, учились в университете, получая стипендию от Петербургской академии наук или, с 1770 г., от Фонда Голицина. Другие, выходцы из богатых аристократических семей, посещали Дипломатическую школу, основанную в 1752 г. или иные образовательные учреждения, например, школу артиллерии (6).

В екатерининские времена русские студенты продолжали обучаться за рубежом, и в частности, в Англии. В период 1774-1787 гг. не менее 16 российских студентов учились в Эдинбургском университете в Шотландии (7). Однако получение образования на Британских островах было явлением не массовым, а скорее, штучным: в 1780-е гг. в Англии обучалось десять студентов-агрономов; двое россиян учились гравировальному делу; один – живописи, несколько работали у ведущих лондонских мастеров-приборостроителей и ремесленников; трое изучали сооружение каналов (8).

Большинство студентов по-прежнему предпочитали более близкую Германию. Согласно данным А.Ю. Андреева, «золотая пора» русского студенчества в Германии приходится на период с середины 1760-х до конца 1780-х гг., когда в немецких университетах занимались 350 уроженцев России (9). В этот период одним из них студентов Лейпцигского университета был, как известно, А. Радищев.

В повышении квалификации российских врачей за рубежом была заинтересована Медицинская канцелярия. В 1761 г. высочайшим повелением лекарям уже состоявшим на службе, было разрешено отправляться за

границу «для усовершенствования в науках с тем, чтобы они, достигнув там докторской степени, по возвращении снова определялись на службу: отправляющимся на этих условиях назначалось единовременное двойное жалование с выдачей за треть вперед, и они во время пребывания за границей поручались покровительству русских посланников» (10).

Конец XVIII столетия демонстрирует падение количества русских студентов в революционной Европе, а в 1798 г. обучение за рубежом было и вовсе запрещено Павлом I. Запреты на обучение повторялись в начале 1820-х, в 1831 г. и в конце 1840-начале 1850-х годов. (Посылка профессоров за границу возобновилась с 1856 г.). Революционные движения в Европе стимулировали переход от сознания пользы европейского образования для граждан России к опасению, связанному с распространением революционных идей в империи.

Тем не менее, признание качества образования в зарубежных университетах и пользы, которую могли принести отечеству их выпускники, объясняет факт отправки при Александре I и Николае I в Геттинген и другие университеты русских студентов за государственный счет для подготовки к занятию кафедр в отечественных университетах. В 1808 г. за рубеж были посланы 12 воспитанников педагогического института. В 1827 г. высочайшим повелением 20 способнейших студентов, выбранных из всех университетов, были посланы сначала в Дерпт, а затем в Берлин и Париж. В 1828 г. за ними последовали еще шестеро лучших студентов, выбранных из Московской и Петербургской академий для подготовки на кафедре законоведения. За более чем пятидесятилетний период, с 1808 по 1860 гг. за границу было командировано 134 чел., получивших образование в России. Из них 29 докторов и профессоров и 105 магистров, кандидатов и учителей гимназий (11).

За первую четверть XIX в. в Геттингене побывало 289 студентов - подданных Российской империи, причем большая их часть была либо прибалтийского, либо немецкого происхождения, и лишь незначительная доля – 35 человек – русского (12). В начале XIX в. Геттингенский университет был единственным высшим учебным заведением, где читалась славянская, в том числе, российская история. С 1829 по 1847 гг. в немецких университетах обучалось 92 россиянина (13). То есть, в первой половине XIX в. задача подготовки кадров для отечественной науки и образования по-прежнему решалась посылкой талантливой молодежи за рубеж и приглашением иностранных ученых для преподавания в российских университетах. Организационно эта практика оформилась в университетском уставе 1804 г.

Перерыв в научных контактах России и Европы в конце 1840-х гг. внес свою лепту в отставание развития отечественной науки и техники, особенно военной. После поражения в Крымской войне обществом и правительством ясно осознавалась необходимость прогрессивного развития самых разных сторон социальной жизни. Снова остро встал вопрос о подготовке

национальных педагогических и научных кадров. Для его решения вновь прибегли к уже испытанному способу – командированию русской молодежи в зарубежные университеты. В 1857 г. специальным указом Александра II было возобновлено направление русских стажеров за рубеж. На следующий год последовал аналогичный приказ начальника Генерального штаба по военно-учебным заведениям. Этим правом воспользовались также выпускники Медико-хирургической академии. В их числе были С.П. Боткин, И.М. Сеченов, Ф.В. Овсянников, Д.А. Юнге и др.

По новому уставу 1863 г. университеты получили право (с утверждения Министерства народного просвещения) отправлять молодых людей за границу для подготовки к занятию кафедры. Выезд русских стипендиатов в страны Западной Европы достиг пика в первой половине 1860-х гг. (14) С 1862 по 1866 г. более 100 молодых людей, рекомендованных университетами, получили стипендии для обучения за границей. Среди них физик А.Г. Столетов, химик В.В.Марковников, физиологи А.И. Бабухин, А.О. Ковалевский, И.И. Мечников, филологи А.Н. Веселовский, О.Ф. Миллер, А.А. Потебня, историки В.А. Бильбасов, В.И. Герье, юристы В.И. Сергеевич, Н.С. Таганцев и др.

В России, как и в других странах Западной Европы, женщины не имели полных прав на получение высшего образования. Исключение составляла Швейцария. В 1865 г. в Цюрихском университете занимались 152 иностранки, 145 из них были русские (15).

Согласно официальной статистике Министерства народного просвещения с 1863 г. по 1871 г. за границу с научной целью было командировано 160 человек, на что была ассигнована сумма в 135 тыс. рублей. За каждый год заграничного пребывания стипендиат получал содержание от 1600 до 2 400 руб. (что, как известно, соответствовало жалованью доцента российского университета) и обязывался два года прослужить по ведомству Министерства народного просвещения по назначению министра (16).

Местом стажировки начинающие русские ученые-естествоиспытатели выбирали в 1850-1860-е гг. в основном Германию, хотя молодые люди могли побывать в нескольких странах и разных университетах, прежде, чем выбрать наиболее подходящее учебное заведение. Среди таких стажеров можно назвать способного математика, блестяще окончившего Московский университет и защитившего магистерскую диссертацию Ф.Е. Орлова. В 1870-х гг. он стажировался у лучших математиков и механиков Цюриха, Берлина, Льежа (17).

Традиция использования зарубежных вузов для стажировки русской молодежи сохранялась и позднее, несмотря на внедрение новых способов подготовки научных кадров внутри страны (введение по уставу 1884 г. приват-доцентуры в русских университетах). В последней трети XIX в. начинается массовый выезд учащейся молодежи во Францию. Связано это было с

тем, что политическое сближение между двумя странами создавало гарантии применения французского диплома врача, инженера, преподавателя французского языка в России. Кроме того, «Франция привлекала отсутствием национальных и демографических ограничений при приеме в университете (значительный процент выходцев из России составляли евреи и женщины), различными мерами французской администрации (специальные информационные службы, бюро обслуживания, курсы обучения французскому языку), облегчавшими пребывание иностранцев в стране» (18). Поскольку просвещение и медицинское обслуживание широких масс населения становилось насущной задачей модернизовавшейся России, наиболее многочисленными были студенты-медики.

Основной поток молодых российских исследователей во Франции концентрировался, по мнению Г.И. Любиной, в трех направлениях: Парижский университет (куда ориентировались, прежде всего, представители практических специальностей – медики, юристы, но также ехали и математики); Школа Хартий; Высшая школа практических знаний (подготовивших значительное число российских исследователей-гуманитариев); и Пастеровский институт (с 1880-х гг. – крупнейший центр подготовки медико-биологических кадров для науки) (19).

В последнее десятилетие века количество молодых людей, отправлявшихся на стажировку за границу, уменьшилось. В 1871-1872 гг. все российские университеты послали за границу «с ученой целью» 41, в 1873 г. – 63 человека (20). К практике стажировок прибегали лишь при недостатке специалистов в той или иной дисциплине. При подготовке, например, профессоров по римскому праву или преподавателей в технических и сельскохозяйственных науках, Министерство народного просвещения учредило по 12 стипендий в 1886 и 1896 гг. (21). Помимо официальных командировок, оплачиваемых Министерством просвещения, широко практиковались также поездки за границу за свой счет (часто на время летних вакансий).

Существенным фактором для развития отечественной культуры и экономики было не только обучение и стажировки российских студентов за рубежом, но и поездки за рубеж преподавателей, отечественных ученых. Преподаватели российских университетов командировались за рубеж для изучения технологии выделки железа, способов обработки платины, горного дела, организации работы промышленных лабораторий, сопровождавшиеся посещениями заводов и фабрик, опытных станций и т.п. (командировки во Францию профессора Г.А. Чугаевича в 1856 г., М.В. Скобликова, П.Л. Чебышева в 1858, А.К. Чугунова в 1863, академика Б.С. Якоби в 1861 г.) В числе ученых-гуманитариев в разное время выезжали за рубеж литературовед А.Н. Пыпин, славист И.И. Срезневский, историк М.И. Сухомлинов, востоковед И.П. Минаев, А.К. Казем-Бек, экономист В.П. Безобразов, историки В.И. Модестов, Н.И. Кареев, Е.В. Тарле и др (22). Чаще всего за границу посыла-

лась элита преподавательского корпуса: профессора, реже доценты, лекторы иностранных языков, ассистенты, препараторы, лаборанты. Для руководства занятиями русской научной молодежи в 1860-1870-е гг. Министерство народного просвещения командировало за границу во главе группу в количестве 46 чел. Н.И. Пирогова (в Гейдельбергский университет), Н.В. Ханькова (в Париж). В 1862-65 гг. за границу было направлено 89 чел. (23). Большое научное и практическое значение имела поездка в США в 1876 г. Д.И. Менделеева, который основательно познакомился с американской нефтяной промышленностью.

Тенденция к повышению квалификации и обучению россиян за рубежом сохранялась на протяжении всего дореволюционного периода. В 1909 г. за границу было командировано 58 чел., в 1911 г. – 40, в 1912 г. – 19, в 1913 г. – 33 (24). В начале века в университетах Парижа, Нанси, Монпелье в начале XX в. училось 1,5 тыс. русских студентов. В 1906 г. из 300 иностранных студентов филологического факультета Сорбонны 200 составляли русские (25). По подсчетам А.Е.Иванова, русское студенчество во Франции в 1911 г. насчитывало 2-2,5 тыс. человек. Особой популярностью пользовалась Сорбонна (1,6 тыс. чел.), университет города Нанси (450 чел. на 1908 г.), располагавшийся там же Электротехнический институт (49 чел. в 1907 г.), а также университеты Гренобля (49 чел. в 1907 г.), Лиона (35 чел. в 1913 г.), Лилля, Тура и Бордо (26).

Таким образом, несколько тысяч россиян, обучавшихся за рубежами империи на протяжении двухсот лет, представляли два потока: среди них были студенты, самостоятельно отправившиеся по собственному выбору в Европу для получения образования, и студенты, окончившие российские вузы и посланные в европейские вузы российским государством для повышения квалификации, на стажировку. Наиболее популярными для получения образования были университеты Германии. На рубеже XIX - XX веков привлекательными для русских студентов все больше становятся французские университеты.

Правительственная политика в отношении посылки отечественных студентов за рубеж варьировала от благоприятствующей до запретительной. В целом же, российское правительство поддерживало административно и материально обучение и стажировки российских студентов и преподавателей за рубежом. Такая политика способствовала повышению уровня отечественного образования, плодотворным связям отечественной науки и образования с зарубежными коллегами.

Историческое значение получения зарубежного образования Российскими студентами. Как известно, в самой России в XVIII в. университеты и академии были крайне немногочисленны, а вызов иностранных профессоров был мерой не во всем целесообразной. Поэтому очевидно, что специалисты, в первую очередь юристы и врачи, необходимые государству,

а также университетские и академические преподаватели получали образование преимущественно в западных университетах. Подсчет количества студентов из России, обучавшихся в немецких университетах и в самой России приводит А.Ю. Андреева к следующему выводу: немецкие университеты выступали во второй половине XVIII в. реальной альтернативой отечественного образования. Количество студентов, выезжавших в среднем ежегодно в Германию – 15-20 человек – равнялось числу поступавших в Московский университет (27).

Более важным, конечно, является вопрос не столько о количестве, сколько о той роли, которую играли бывшие студенты по возвращении в Россию. Получив образование, пригодное для занятия ответственных государственных постов, далеко не все взошли на них; большая часть не смогла найти применения свои знаниям, и не оставила сколько-нибудь значительного следа в государственной и общественной жизни. Однако среди первых - блестящие имена: И.Д. Блюментрост, сделавший успешную карьеру медика, управлявший придворной аптекой и в 1722 г. назначенный президентом медицинской коллегии; его брат Л. Блюментрост – лейб-медик Петра I, один из основателей и первый президент Академии наук; М. Шафиров – советник Коммерц-коллегии; М. Головкин – вице-канцлер в правление Анны Леопольдовны; П. Мусин-Пушкин – президент Коммерц-коллегии (28). И.А. Полетика, учившийся в Кильском, а затем Лейденском университете, стал в России директором военно-сухопутного госпиталя. В Лейпциге с 1770 по 1781 г. учились 13 российских князей, среди которых стали известны на общественном поприще братья Куракины (вице-канцлер и генерал-прокурор), министр коммерции Г.П. Гагарин, член Государственного совета Н.Б. Юсупов. Среди генерал-губернаторов, управлявших наместничествами, Г.Г. Брун, кн. Н.В. Репнин, гр. П.А. Румянцев-Задунайский учились за границей.

В Страсбургском университете учились будущий министр народного просвещения (1810-1817 гг.) А.К. Разумовский; московский генерал-губернатор Д.В. Голицын; министр финансов Д.А. Гурьев, многие дипломаты, литераторы, медики. Среди студентов, обучавшихся за рубежом во второй половине XVIII века: Д.С. Руднев (в иночестве Дамаскин), ректор Славяно-греко-латинской академии; писатель А.Н. Радищев; О.П. Козодавлев, в 1810-1819 гг. министр внутренних дел. Конечно, обучение в зарубежных университетах способствовало становлению и отечественных ученых: академики А.П. Протасов, И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецковский, В.Ф. Зуев, Н.П. Соколов учились в Страсбургском университете (30).

Наиболее способные выпускники госпитальных школ в России назначались на должности их преподавателей, предвзято усердствуя своим знаниям за границей. В 1761 г. девять молодых лекарей из Петербурга отправились в Лейден, а трое – в Страсбург. Через два-три года они возвратились домой, став докторами медицины, многие – преподавали в госпи-

тальных школах. Например, П.И. Погорецкий (1740-1780) в Лейденском университете защитил в 1765 г. докторскую диссертацию, вернувшись в Россию, стал преподавателем Московской госпитальной школы. Ф.Т. Тихорский (1733-1814) – тоже доктор медицины, преподавал в госпитальных школах Петербурга. К.О. Ягельский (1736-1774), защитив докторскую диссертацию в Лейдене, преподавал в Московской и Петербургской госпитальных школах. В Петербургской госпитальной школе преподавал И.А. Полетика, получивший медицинское образование в Киле, ставший доктором медицины в Лейденском университете. В Лейдене же медицинское образование получил доктор медицины К. И. Щепин (32).

По возвращении в Россию часть бывших студентов становилась профессорами Московского университета, Царскосельского лицея, Петербургского педагогического института. Например, воспитанниками немецких университетов были преподаватели Царскосельского Лицея А.И. Галич (1783-1848) и А.П. Куницын (1783-1840). Ф.Г. Баузе, получив образование в Германии, по возвращении стал профессором юридического факультета Московского университета, а затем и его ректором (1807-1809). Командировки 1827-1828 гг. дали таких замечательных ученых и преподавателей, как Неволин, Редкин, Пирогов, Крюков, позднее – Грановский. За границей стажировались будущие ректоры Московского университета И.А. Двигубский (Геттинген, Прага, Львов, Пешт, Вена, Париж) и А.В. Болдырев (Геттинген и Париж), профессора И.П. Воинов (Геттинген, Париж, Вюрцбург, Йена, Галле, Лейпциг), М.Я. Мудров (Геттинген, Париж, Вена, Берлин, Бамберг), И.Е.Грузинов (Лондон, Эдинбург, университеты Франции и Германии), Р.Ф. Тимковский (Галле, Лейпциг, Геттинген), Л.А. Цветаев (Геттинген, Париж) (29).

Посещение россиянами зарубежных стран не могло не отразиться на их философских представлениях и мировоззрении в целом. Например, из Германии стажеры привезли с собой не только «немецкие тетрадки», но и немецкие теории. В XIX в. многие представители русской общественной мысли находились под влиянием немецкого идеализма и романтизма. Ведь обучавшиеся в немецких университетах, слушали лекции Г. Гегеля и Ф. Шеллинга, общались с романтиками. Многие русские дворяне учились в университете Геттингена, известного своей радикальной ориентацией и живым общением молодежи, съезжавшейся со всей Европы. Большое число иностранных студентов в Геттингене было отличительной чертой университета. В 1801-1802 учебном году из 704 студентов 456 составляли иностранцы (31). Большая часть «русских геттингенцев» в дальнейшем активно продвигалась по служебной лестнице или играла видную роль в образовании, передаче знаний и представлений о мире молодому поколению. Среди наиболее известных из них: Н.И. Тургенев (1789-1871), экономист, основоположник финансовой науки в России, один из учредителей Союза Благоденствия и

Северного общества, его брат Александр, гусарский офицер, член Союза Благоденствия П.П. Каверин (1794-1855).

В 1830-40-е гг. ведущим центром научной подготовки молодых претендентов на кафедры российских университетов стал Берлинский университет. Всего заграничную стажировку в этот период прошли 113 ученых разных специальностей, т.е. 57% общего состава профессоров (33).

В 1860 г. по линии Министерства народного просвещения для подготовки к профессорскому званию был отправлен В.В. Бауер. Посещая Гейдельберг, Берлин, Тюбинген, Мюнхен, Париж, Лондон, Оксфорд, он изучал древнюю и новую историю. По возвращении из-за границы получил место экзаменатора в испытательном комитете при Петербургском университете, был включен в состав ученого комитета Министерства народного просвещения по подготовке университетского устава. В университете занимал должность декана историко-филологического факультета. Впервые в Петербургском университете разработал систематический курс лекций по новой истории Западной Европы, а в 1865 г. был приглашен для занятий с цесаревичем Николаем Александровичем и великим князем Владимиром Александровичем.

Обращение к научному потенциалу Западной Европы в конце 1850-1860-е гг. ускорило подготовку преподавателей для университетов России, придало импульс их исследовательской работе. И.М. Сеченов полагал, что из числа молодежи, посланной в этот период за границу, вышло около половины профессоров на медицинских и естественных факультетах начала 1880-х гг. (34) По мнению Г.И. Любиной, молодое поколение вузовских преподавателей 1860-1870-х гг. способствовало переходу преподавания в университетах от исключительно умозрительного в аудиториях к практическому в естественно-научных лабораториях (35). Государственные запреты на выезд за границу и цензурные ограничения на ввозимую научную литературу были сняты, что также способствовало развитию контактов русских и западноевропейских ученых в последующие десятилетия.

Итак, первые российские студенты, обучавшиеся в зарубежных университетах, появляются на рубеже XVII-XVIII вв. Университеты стали важными и плодотворными каналами общения между российской и мировой культурами. В течение XVIII-начала XX вв. в европейских (прежде всего немецких) университетах обучалось (по самым приблизительным подсчетам) не менее 6 000 человек из России. (Для сравнения укажем, что по неполным данным, с 1859 по 1900 г. всего российские университеты подготовили 58 тыс. специалистов (36).) Пусть относительно немногочисленная, но европейски образованная элита явилась передатчиком новейшей информации, мировоззрения, подходов к организации дел в самых различных областях общественной жизни. С середины XVIII в. образуется корпус чиновников, получивших систематическое образование не только в школах и шляхетских корпусах в России, но и в европейских университетах. Целая плеяда бывших

студентов европейских университетов со временем заняла ключевые посты в отечественной науке, образовании, управлении.

Немецкие университеты XIX в., базировавшиеся на гумбольдтовской идее (союз науки и образования, естественнонаучных дисциплин и философии, наглядность преподавания), заложили основы нового научного образования своего столетия и неклассической науки XX века. Их опыт лег в основу развития высшего образования многих стран мира, студентов из которых они принимали, в том числе, и России. Благодаря зарубежным стажировкам к 1840-м гг. российское образование смогло отказаться от жесткого императива приглашения ученых-иностранцев и перейти к созданию собственной системы подготовки кадров для высшего образования.

Очевидно, что регулярные контакты с лучшими вузами и ученым миром Западной Европы ускорили процесс формирования высококвалифицированных преподавательских и исследовательских кадров в России. Русские стажеры собственными глазами воспринимали новейшие тенденции современного научного развития, обогащали свой научный багаж, расширяли мировоззренческие горизонты. Путешествуя по Европе и возвращаясь на родину, они обладали широкими возможностями для сравнения хода научного прогресса, внедрения передовых методов преподавания и исследования. Для многих выдающихся исследователей обсуждение научных проблем, работа в европейских лабораториях были прекрасной возможностью для нового взгляда на собственные научные поиски, активизировало мысль, давало мощный толчок развитию оригинальных исследований и новых плодотворных направлений. Русская молодежь впитывала лучшие организационные традиции европейских вузов: свободу научного поиска, непринужденный, но уважительный стиль общения между студентами и профессорами, коллективизм работы, достоинство учености.

К сожалению, в настоящее время мы являемся свидетелями не столько плодотворных студенческих и научных обменов, что совершенно необходимо в век глобализации и информатизации, но эмиграции из России, которая носит явные черты утечки умов. Каждый пятый эмигрант из России имел высшее образование, в том числе среди выбывших в США более 40%. По данным ЮНЕСКО, на середину 1990-х гг. примерная совокупная численность россиян, обучающихся в зарубежных вузах, составляла около 13 тыс. человек. Около 40 % из них обучалось в США, еще 40% - в Германии (37). В настоящее время, по данным американских экспертов, численность российских студентов в зарубежных университетах составляет около 26 тыс. человек (38). Не пора ли внимательнее присмотреться к собственному опыту, оценить по достоинству те времена, когда зарубежные учебные и научные центры помогали России возвращать высокопрофессиональную элиту, а не забирали безвозвратно наши светлые молодые головы?

1. Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах. XVIII – первая половина XIX в. М., 2005; Берелович В. А.Я.Поленов в Страсбурге (1762-1766): рождение интеллектуала // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII-XX вв.). М., 2002; Доброва Е.А. К вопросу об образовательной реформе в России в середине XIX века // Россия и Европа: дипломатия и культура. Вып. 3. М., 2004; Евдокимова М.А. Кому принадлежала «Геттингенская душа» Ленского? Или «Геттингенский элемент» в российском обществе первой половины XIX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. М., 2003; Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998; Петров Ю.А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1995; Смагина Г.И. Академия наук и российская школа: вторая половина XVIII в. СПб., 1996. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII -первой четверти XVIII вв. М. «Археографический центр», 1998; Hans N. Russian Students at Leyden in the 18th Century // Slavonic and East European Review, 1957, #3; Okenfuss M. The Jesuit Origin of Petrine Education // The Eighteenth Century in Russia. / Ed. by J.G. Garrand. Oxford, 1973; Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia, the Eighteenth Century Nobility. N.-Y., 1966; Voss J. Les etudiants de l'Empire russe a l'universite de Strasbourg au 18e siecle // Deutsch-Russische Beziehungen in 18 Jahrhundert, Kultur, Wissenschaft und Diplomatie. Sous la dir. de K. Grau, S.Karp et J.Voss. Wiesbaden, Harrassowitz, 1997.
2. Андреев А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII-первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып.3. М., 2004. С. 76.
3. Там же. С.79.
4. Там же. С.78.
5. Voss J. Les etudiants de l'Empire russe a l'universite de Strasbourg au 18e siecle // Deutsch-Russische Beziehungen in 18 Jahrhundert, Kultur, Wissenschaft und Diplomatie. Sous la dir. de K. Grau, S.Karp et J.Voss. Wiesbaden, Harrassowitz, 1997, p.357.
6. Берелович В. А.Я.Поленов в Страсбурге (1762-1766): рождение интеллектуала // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII-XX вв.). М., 2002. С.56.
7. Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С.171.
8. Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1980. С. 198.
9. Андреев А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII-первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып.3. М., 2004. С.84.
10. Мирский М.Б. Медицина России X-XX веков: Очерки истории. М., 2005. С.160-161.
11. Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г. М., 1995. С. 83.
12. Евдокимова М.А. Кому принадлежала «Геттингенская душа» Ленского? Или «Геттингенский элемент» в российском обществе первой половины XIX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. М., 2003. С.75.
13. Андреев А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII-первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып.3. М., 2004. С.91.

14. Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М., 1996. С. 28.
15. Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г. М., 1995. С. 132.
16. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII век-1917 г. М., 1994.
17. Намазова А. Русские и Бельгии, бельгийцы о России // Европейский альманах. История, традиции, культура. М., 1992. С.98.
18. Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М., 1996. С. 36.
19. Там же. С. 33.
20. Там же. С. 89.
21. Там же. С. 30.
22. Там же. С. 93.
23. Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г. М., 1995. С.102.
24. Там же. С. 127.
25. Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М., 1996. С. 41.
26. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX-начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С.376.
27. Андреев А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII-первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып.3. М., 2004. С.85.
28. Там же. С.77.
29. Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С.130.
30. Андреев А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII-первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып.3. М., 2004. С.86,87.
31. Евдокимова М.А. Кому принадлежала «Геттингенская душа» Ленского? Или «Геттингенский элемент» в российском обществе первой половины XIX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. М., 2003. С.83.
32. Мирский М.Б. Медицина России X-XX веков: Очерки истории. М., 2005. С.160.
33. Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С.164.
34. Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М., 1996. С. 29.
35. Там же.
36. Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С.171.
37. Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье. Мир России. 2003. №2. С. 148.
38. Леденева Л.И. Не потеряет ли Россия своих Платонов и Невтонов? Мир России. 2003. №2. С. 165.